

НОВОСИБИРСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИБИРЕВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА

Сибирь в течение двух с половиной столетий после присоединения к России – до 30–50-х XX в. – оставалась “экзотикой” и для русских, и для западного мира. Честь первых шагов в исследовании ее народов, их быта и языков принадлежит ученым-путешественникам: немцу Д.Г. Мессершмидту, шведу Ф.И. Стралленбергу, финну М.А. Кастрену, русскому С.П. Крашенинникову и другим. Большой вклад в изучение сибирских языков внесли православные миссионеры, которые перевели на алтайский, якутский, хантыйский и другие языки немало священных книг. В XIX веке появляются специалисты-сибиреведы из Петербурга, Казани, Москвы, где в это время уже начинают формироваться научные школы, которые переходят и в XX век. Особое место здесь принадлежит В.В. Радлову.

В.В. Радлов проработал учителем Барнаульского высшего горного училища 12 лет – с 1859 по 1871 г. Все свободное от преподавания время он посвятил изучению местных языков, этнографии и археологии. Обездлил, собирая материалы, Алтай, Хакасию, Семиречье, Восточные Киргизские степи. Эти материалы вошли позднее в такие его труды, как “Образцы народной литературы тюркских племен”, “Aus Sibirien”, “Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen” и др. В.В. Радлов привлек к изучению языков Сибири С.Е. Малова. По заданию “Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии”, председателем которого был В.В. Радлов, С.Е. Малов совершил поездку в Томскую и Енисейскую губернии к томским, чулымским, кузнецким татарам и телеутам. И хотя сам Сергей Ефимович считал, что “специалиста по тюркским языкам Сибири из меня не получилось”, так как у него и его учителя появилась другая цель – тюркские языки Китая и, особенно, древние тюркские языки, ему пришлось заниматься самому и помогать своим ученикам в изучении шорского, алтайского, тувинского, хакасского и якутского языков. Среди его учеников были Н.П. Дыренкова, Ф. Фиельструп, С. Майногашев, Е.И. Убрятова и В.М. Наделяев. Существовала прямая преемственность между школой В.В. Радлова и первой советской научной школой лингвистов, ориентированных на изучение разнотемных языков нашей страны, которая складывалась в Ленинграде. Во главе ее стоял И.И. Мещанинов, чьи личные интересы были прочно связаны с языками Севера и Дальнего Востока Сибири. Здесь формировались и работали такие крупные, яркие ученые, исследователи

Елизавета Ивановна Убрятова

Владимир Михайлович Надеяев

северных палеоазиатских языков, как Е.А. Крейнович, С.Д. Кацнельсон, П.Я. Скорик, Г.А. Меновщиков, тунгусо-маньчжуристы Г.М. Василевич, Т.И. Петрова, В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева, тюркологи Н.П. Дыренкова, Е.И. Убрятова, монголисты Б.Я. Владимирцов, В.М. Надеяев и др. В предвоенные и военные годы и в самой Сибири, в Якутске и Улан-Удэ, начинают формироваться научные коллективы; несколько позже вокруг Л.Н. Харитонова сложился творческий коллектив якутоведов.

Основателем же первой *сибиреведческой* научной школы в Сибири стал профессор-германист Андрей Петрович Дульзон. Он заведовал кафедрой немецкого языка в городе Энгельсе, но в 1941 г. как немец был сослан на поселенье в Томскую область. Позже он стал заведовать кафедрой немецкого языка и общего языкознания в Томском пединституте. Не ограничиваясь германскими языками, он начал изучать сибирские языки, образ жизни сибирских народов, антропологические черты аборигенного населения: тюрков, селькупов, кетов. В 1947 г. он разработал перспективный план комплексных исследований “Происхождение аборигенов Сибири и их языков”, который был опубликован в 1952 г. и выполнялся им до конца жизни.

В эти свои занятия он все шире и глубже вовлекал аспирантов руководимой им кафедры, формируя тем самым первую научную школу сибирского сибиреведения, которая функционировала в формальных рамках Томского педагогического института. А.П. Дульзон был первым, кто начал серьезно растить специалистов-сибиреведов в самой Сибири, на базе первичного образования по специальности “германистика”. Им было подготовлено не менее 30 специалистов, и 7 из них стали докторами наук: кетолог Г.К. Вернер, тюркологи Р.М. Бирюкович (чулымско-тюркский язык) и О.Т. Молчанова (топонимика Алтая), Э.Г. Беккер (селькупский язык), а также германисты О.А. Осипова, Г.Г. Едиг, П.М. Карашук. Среди первых его учеников – рано умерший М. Абдурахманов, изучавший диалекты сибирских татар и шорский язык, Э.Ф. Чиспяков, занимавшийся родным шорским языком, кетологи Э.И. Белимов, Р.Ф. Деннинг, М.Н. Валл, специалисты по самодийским языкам Ю.А. Морев, который является также историографом этой научной школы, А.И. Кузьмина, Т.Г. Перфильева, Н.В. Деннинг, В.В. Быконя, Е.П. Больдт и немало других. К сожалению, многие сформировавшиеся ученые в нынешних трудных условиях уехали из России, но большинство его учеников успешно работает, продолжая начатое Андреем Петровичем дело и воспитывая новое поколение сибиреведов. Сам Андрей Петрович в последние годы жизни сосредоточился на изу-

чении кетского языка; опубликовал большую монографию “Кетский язык” (1968), за которую получил Государственную премию. В 1973 г. жизнь его оборвалась.

В 60-е гг. параллельно с Томским научным центром формируется новый научный центр в Новосибирском Академгородке. Сюда приехали крупные ученые: член-корреспондент АН СССР, автор двухтомной “Грамматики нанайского языка” В.А. Аврорин с женой, Е.П. Лебедевой, признанным специалистом в области тунгусо-маньчжуристики; его ученики – нанайцы, специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам – С.Н. Оненко и Н.Б. Киле; крупный тюрколог-якутовед проф. Е.И. Убрятова; немного позже перебрался сюда В.М. Наделяев, монголист и тюрколог, фонетист-экспериментатор, знаток тюркских и монгольских древностей и прекрасный педагог; приехала М.И. Черемисина, русист, впоследствии вплотную занявшийся языками коренных народов Сибири.

В.А. Аврорин стал основателем первого в Сибири филологического подразделения Академии наук, Отдела филологии в только что созданном Сибирском отделении АН, который теперь стал Институтом филологии СО РАН; одновременно им был основан и гуманитарный факультет в новом Новосибирском университете, где была начала подготовка специалистов по разным языкам Сибири.

К концу 60-х гг. в Академгородке сложился интересный, живой языковедческий коллектив. С этого времени уже можно твердо говорить о становлении Новосибирской научной школы как научного центра, где интенсивно развивается сибиреведение, разносторонне, в контакте с историками, изучаются сибирские языки и этносы. Вначале это были преимущественно тунгусо-маньчжурские и якутский, позже в область исследований вошли тюркские языки Южной Сибири, бурятский, затем уральские и палеоазиатские языки.

Между Томской и Новосибирской школами с самого начала существовали дружественные отношения, их связывало единое понимание целей работы и ее направлений. И в Томске, и в Новосибирске до последнего времени регулярно проводились совместные конференции, издавались общие сборники; взаимодействие в подготовке научных кадров осуществляется и сейчас – через кафедры Общего языкознания и Языков и фольклора народов Сибири в НГУ, через Сектор языков народов Сибири Института филологии СО РАН, через диссертационный совет в Институте филологии, через кафедру иностранных языков Томского педагогического университета. После смерти А.П. Дульзона (1973) многие оставшиеся у него ученики заканчивали аспирантуру под руководством

В.М. Надеяева и Е.И. Убрятовой и защищались в Новосибирске. Это было естественно, потому что важная особенность, сближающая Томскую и Новосибирскую сибиреведческие школы, состоит в прочной опоре на первичный лингвистический материал, и важнейшей составной частью подготовки специалиста по бесписьменным и младописьменным языкам являются регулярные экспедиции, нередко – в далекие, труднодоступные районы Сибири.

Вынужденный отток кадров, связанный с тем, что для специалистов, получивших сибиреведческую квалификацию, не предусматривалось рабочих мест, конечно, постоянно ослабляет сибиреведческие школы. Однако даже не находя оплачиваемой работы по этой специальности, зарабатывая преподаванием иностранных языков, “на энтузиазме”, люди не оставляют занятий в области избранного сибирского языка, в меру возможностей ездят в экспедиции, собирают и обрабатывают материал, публикуют его, пишут статьи и даже монографии.

В этих реальных перманентно неблагоприятных условиях постоянная забота о сохранении традиции, о заблаговременном обеспечении “конвейера кадров” также составляет существенную особенность новосибирской научной школы. Новосибирский университет стал первым в Сибири местом первоначальной подготовки специалистов по языкам Сибири. С момента создания гуманитарного факультета здесь до 1970 г. прошли обучение пять студенческих групп (по 5–7 человек в группе), специализировавшиеся по тунгусо-маньчжурским языкам (две группы), по якутскому, по мансийскому, по селькупскому. Однако в те годы, когда не только глубокое изучение языков Сибири, но даже их преподавание в школе не считалось серьезной задачей, это начинание было обречено: таких специалистов не востребовали ни наука, ни даже школа. Тем не менее из 30 подготовленных специалистов сейчас работают по специальности около 10 человек, 7 из них кандидаты наук. Селькупская группа, последняя (до 1990 г.), была выпущена в 1970 г., но индивидуальная (“штучная”) подготовка сибиреведов, дополнительно к основной специальности филолога-русиста, продолжалась через спецкурсы, курсы и дипломные работы, а затем через аспирантуру. Через 20 лет, с 1990 г., традиция была восстановлена – с интервалом через год на кафедре НГУ набираются группы из числа носителей тюркских языков Южной Сибири. Преподавание ведется силами сотрудников Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, которые стараются с первых курсов приобщать студентов-тюркологов к научной работе, готовя их к творческой работе в своих регионах. На факультете создана специальная

кафедра; члены кафедры интенсивно разрабатывают лекционные и практические курсы, читают спецкурсы, публикуют материалы, методические разработки. Тесная связь между кафедрой в НГУ и сектором Института филологии, а также их контакт с регионами позволяют готовить и издавать тематические сборники и осуществлять другие виды сотрудничества. Существенную помощь оказывают гранты, получаемые сотрудниками.

Становление новосибирской научной школы ознаменовалось крупномасштабным исследованием звуковых систем языков Сибири силами Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ), организованной В.М. Наделяевым. Задача, поставленная В.М. Наделяевым, состояла прежде всего в том, чтобы описать звуковой строй самых разных, по возможности всех, языков сибирского региона с помощью единой методики, потому что только такое описание создает возможность сопоставления полученных результатов, то есть ставит теоретические задачи исследования. Он разработал оригинальную теоретическую концепцию артикуляционно-акустических баз (“артакбаз”), в которых он видел самое устойчивое субстратное основание, сохраняющееся неизменным при смене народами их языков. Специфика артакбаз носителей родственных языков (диалектов) давала основание для построения гипотез относительно далекого прошлого разных этносов, переживших смену языка много веков назад. Так, некоторые особенности артакбазы современных халха-монголов центральных аймаков позволили предположить, что их предки были монголизированными тюрками; а в северных алтайцах на том же основании он распознавал не очень отдаленных потомков самодийцев и кетов.

При жизни В.М. Наделяева силами его учеников-аспирантов были описаны особенности звукового строя более чем 20 языков и диалектов Сибири – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских и палеоазиатских. После его смерти (в 1983 г.) созданной им Лабораторией руководит его ученица к.ф.н. И.Я. Селютина. Лаборатория имеет на своем счету уже около 30 кандидатов и двух докторов наук.

Со своими учениками – аспирантами, стажерами и студентами национальных групп университета – В.М. Наделяев проводил увлекательные занятия, лекции-беседы, на которые приходили и сотрудники Института. Здесь сопоставлялись факты разных языков, и слушатели, особенно носители языков, активно вовлекались в эту работу. Если школа А.П. Дульзона формировалась преимущественно из преподавателей

германских языков, немцев и русских, то школа В.М. Наделяева в значительной мере складывалась из представителей сибирских народов: алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов, эвенков. Они приходили в аспирантуру нередко с почти нулевой подготовкой в той области, где им предстояло работать, а выходили полноценными специалистами.

Группа учеников сложилась и вокруг Е.И. Убрятовой, глубокого тюрколога с широким кругом интересов и знаний. В центре ее внимания всегда был якутский язык, испытывавший сильное влияние монгольских и тунгусских языков. Поэтому быть якутоведом это обязательно значит быть в той или иной степени и монголистом, и тунгусоведом. Обо всех сторонах якутского языка у Е.И. Убрятовой есть интересные работы. Ее кандидатская диссертация, посвященная долганскому, близко родственному с якутским, изданная лишь в 1987 г., остается единственным фундаментальным описанием этого языка. Монография о якутском сложном предложении, изданная спустя 25 лет после написания (1976), все-таки значительно опередила свое время. Ее концепция легла в основу комплексных сопоставительно-типологических исследований синтаксической группы Института истории, филологии и философии СО АН СССР, которые выполнялись в 70–80 гг. под руководством М.И. Черемисиной.

Е.И. Убрятова глубоко интересовалась историей тюркских языков, якутской и тюркской диалектологией. В сибирский период ее жизни в круг ее интересов прочно вошли проблемы происхождения сибирских тюрков и их языков и лингвистическая география. Под руководством Е.И. Убрятовой и ее ученицы Н.Н. Широбоковой широко развернулись коллективные исследования сибирской тюркской диалектологии.

Учениками Е.И. Убрятовой были нынешние доктора наук, профессора В.И. Рассадин и Б.И. Татаринцев.

Особо надо отметить целую группу преподавателей кафедры иностранных языков Новокузнецкого пединститута, которые под руководством ученика А.П. Дульзона Э.Ф. Чиспиякова, шорца, начали изучать шорский язык. По его просьбе Е.И. Убрятова приняла их под свою опеку и посвятила им много сил в последние годы жизни. В результате этих трудов “шориада” стала квалифицированным тюркологическим коллективом, в составе которого уже 4 кандидата наук – А.В. Есипова, Ф.Г. Чиспиякова, ученица В.М. Наделяева – фонетист Н.В. Шавлова и ученица М.И. Черемисиной – синтаксист В.М. Телякова, и 3 доктора: Н.Н. Курпешко, И.А. Невская, И.В. Шенцова.

Активно работает группа исследователей тунгусо-маньчжурских языков – учеников В.А. Аврорина и Е.П. Лебедевой. Б.В. Болдырев под-

готовил и издал ряд словарей и монографий, среди которых нельзя не назвать такой фундаментальный труд как "Русско-эвенкийский словарь" (Новосибирск, 1994) на 20 000 слов. Л.М. Горелова опубликовала совместно с Е.П. Лебедевой книгу "СИДИ КУР. Сибирская версия "Волшебного мертвеца". М.Д. Симонов и М.М. Хасанова собрали богатейший полевой материал по различным тунгусо-маньчжурским языкам и подготовили ряд работ, среди которых несколько томов 60-томной фольклорной серии, издаваемой Институтом филологии. А.М. Певнов стал крупным специалистом по древним тунгусо-маньчжурским языкам.

С 1974 г. начинает свое существование группа синтаксических сопоставительно-типологических исследований под руководством М.И. Черемисиной, которая до этого работала в области русистики и общего языкознания, занималась проблемами сложного предложения. Постоянно контактируя с исследователями языков аборигенов Сибири, она увидела, что это направление более всех других нуждается в срочном вложении сил, ибо многие языки и культуры могут не дожидаться тех, кто придет их описать и сохранить для истории, и после защиты докторской диссертации переключила свои силы на эту область.

Восприняв теоретическую концепцию Е.И. Убрятовой о принципах организации якутского сложного предложения, с которой по рекомендации автора она ознакомилась еще в рукописи, когда готовилась принять решение о резком изменении направления своей работы, М.И. Черемисина поставила задачу выяснить, в какой мере эти принципы реализуются в других языках Сибири: в тюркских языках Южной Сибири, которые существенно отличаются от якутского, испытывавшего сильное влияние эвенкийского и бурятского языков, а также в бурятском и в тунгусо-маньчжурских.

Незаменимой опорой в построении стратегии и тактики научного поиска было четкое определение важнейших черт строя сложного предложения якутского языка: единство типов связи компонентов в простом и в сложном предложении; использование форм *verbum infinitum* в качестве зависимых (неконечных) сказуемых; особая роль в этой системе причастий, способных принимать разные падежные формы, сохраняя глагольность (Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Новосибирск: Наука, 1976). Эти положения были подтверждены якутским материалом – но требовалось выяснить, сколь широка сфера действия этих принципов.

Синтаксис языков Сибири, и особенно сложное предложение, оставалось одним из наименее изученных участков. Серьезных исследова-

ний, на которые можно было бы опереться, не было. Поэтому нужно было организовать работу так, чтобы непосредственно от носителей намеченных языков в короткий срок собрать сопоставимый (параллельный) представительный материал, необходимый и достаточный для проверки гипотезы и для развертывания дальнейших углубленных синтаксических исследований как сопоставительно-типологического плана, так и системных, посвященных конкретным языкам Сибири.

М.И. Черемисина наметила концепцию комплексного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в алтайских языках Сибири и разработала методику, позволившую решить эту задачу.

Эта методика носила экспериментальный характер и была обращена к билингвам (практически все аборигены – кроме тувинцев – двуязычны). В течение полутора лет (1975–1976) разрабатывалась, корректировалась и проходила проверку анкета, которая представляла собой список русских предложений-стимулов, отражающих ситуации, приближенные к образу жизни носителей изучаемых языков. Разные варианты анкеты обсуждались и на заседаниях сектора, и со специалистами, и с носителями этих языков. По ходу работы проводились пробные опросы, позволявшие выбраковывать неоднозначные фразы, разрабатывать варианты применительно к разным местным условиям и дополнять анкету. Когда в адекватности результатов опроса не осталось сомнений, была проведена серия экспедиций в Баргузинский район Бурятии, где живут и эвенки, в Туву, в Хакасию, на Алтай, на Дальний Восток в Нанайский национальный округ, на Таймыр к нганасанам, в Томскую область к селькупам, в Тюменскую – к хантам и манси.

Эта методика дает большой выигрыш во времени, а многолетний опыт позволяет скорректировать некоторые ее погрешности, выявить и элиминировать редкие случаи индуцированной нами русификации, зафиксировать факты объективно протекающего русского влияния на аборигенные языки. Изучая реально существующие, ненормированные и слабо нормированные языки, нельзя отвергать речевой материал с отклонениями от некоторых традиционных ожиданий, признаваемых узусом (например, порядок компонентов предложения, заимствование и калькирование некоторых служебных средств и др.); аналогичные факты имеют место не только в живой речи, но отражаются и в художественной прозе на младописьменных языках.

Но выигрыш во времени не единственное преимущество этой методики. Второе, не менее важное, состоит в том, что по большому числу

языков в достаточном количестве собирается надежный и действительно сопоставимый, параллельный материал, которого в принципе невозможно получить, работая с текстами, даже если их на данном языке немало.

На первом этапе (1977–1984) в центре внимания группы были алтайские языки Сибири. Несколько позже, когда сложился устойчивый научный коллектив и в работу включились аспиранты, в том числе носители изучаемых нами языков, круг изучаемых языков был расширен, в него вошли уральские: были обследованы нганасанский, селькупский, энецкий, хантыйский и мансийский языки.

Результаты исследования полностью подтвердили ожидания. Было доказано, что в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири синтаксические механизмы полипредикации, будучи далеко не всегда, не во всем тождественны, глубоко сходны между собой в главном – и одновременно качественно отличны от европейских, и особенно от русского. Этот первый этап работы получил отражение в книге М.И. Черемисиной “Некоторые проблемы теории сложного предложения” (НГУ, 1979).

Основные теоретические итоги эмпирических исследований этого периода опубликованы в нескольких коллективных монографиях, из которых главные две: “Предикативное склонение причастий в алтайских языках” (1984) и “Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем” (1986), а также в серии авторских монографий членов синтаксической группы и методических разработок к спецкурсам, читавшимся в Новосибирском университете (монографии М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой, Л.А. Шаминой, Т.П. Филистович, Н.Н. Коваленко; методические разработки М.И. Черемисиной и Н.Б. Кошкаревой, Е.В. Ковган, В.Н. Соловар). Промежуточные и боковые результаты публиковались в большой серии статей в сборниках Института истории, филологии и философии (ИИФиФ СО АН СССР) и НГУ (1984 и 1986).

С 1987 г. в сферу научных интересов синтаксической группы уже прочно вошло и простое, и осложненное предложение, и другие синтаксические конструкции, а в самые последние годы исследования вышли за рамки синтаксиса – центром стало элементарное простое предложение, а это усилило внимание к морфологии глагола, к сфере служебных слов, к словообразованию и лексикографии. Подлинный объект исследования все настоятельнее осознается как единая целостная система “язык”. Исследование структурно-семантических типов (моделей) про-

стого предложения лишается смысла без обращения к типологии предикатов, т.е. прежде всего глаголов с их возможностями управления. В этом направлении выполнены диссертационные исследования В.М. Теляковой (шорский язык, предложения с глагольными предикатами) и Н.Ч. Серээдар (тувинский язык, предложения с именными предикатами). Несмотря на трудности, систематически публикуются статьи, посвященные типологии элементарных простых предложений и другим актуальным проблемам исследования языков народов Сибири.

Новые задачи ставит перед нами и сама реальная жизнь. Уральские языки, обско-угорские и самодийские еще настоятельнее, чем алтайские, требуют всестороннего описания. Большая роль в развитии этого направления принадлежит Е.К. Скрибник, которая, будучи доктором наук по монголистике, сейчас интенсивно работает в области обско-угорских языков, мансийского и отчасти хантыйского. Продолжая и развивая свои диссертационные исследования, разные аспекты синтаксиса, морфологии и лексики разрабатывают молодые угроведы, кандидаты наук — Н.Б. Кошкарева, В.Н. Соловар, А.Д. Каксин и др.

В 1994 г. А.А. Мальцевой была защищена первая диссертация по дальневосточному палеоазиатскому алуторскому языку. Ее работа в этой области продолжается.

Важной стороной исследований синтаксической группы остается разработка и совершенствование методики, позволяющей быстро и целенаправленно собирать материал, не только представительный и соответствующий целям исследования, но и обеспечивающий сопоставимость результатов по разным родственным и неродственным языкам.

Центральная, координирующая роль Новосибирского научного центра с самого его возникновения проявлялась помимо наличия здесь крупных и активных исследователей и живой аспирантуры в постоянной установке на научное общение. Это проявлялось в организации разного рода конференций, которые проводились часто совместно с Томской школой: конференции, посвященные происхождению аборигенных народов Сибири и их языков, проблемам топонимики, с публикацией материалов, чаще проводились в Томске, но нередко и в Новосибирске. В последующие годы установилась традиция проведения в Томске регулярных Чтений памяти А.П. Дульзона, в Новосибирске ежегодно проводится несколько проблемных конференций и рабочих совещаний: по фонетике, по тюркскому диалектологическому атласу, по синтаксису, по грамматике, а также Чтения в память В.А. Аврорина, в память В.М. Наделяева и Е.И. Убрятовой.

Накопленный опыт контактов и координационной работы позволил нам подготовить и опубликовать (1988 г.; расширенно – 1990) общесибирскую научную программу “Культурное наследие народов Сибири и русского народа”, рассчитанную до 2005 г. Сейчас она реализуется в исследованиях сибиреведов.